

— Ты, ты перегибаешь палку! — с упрёком сказал Цан Хэн, обращаясь к Цзин Шо.

— Если у тебя ночью заболит живот, я отправлю тебя обратно в Императорский город к твоему отцу, — пригрозил Цзин Шо, и Цан Хэн тут же замолчал, послушно вернувшись на своё место.

— Они действительно забавные, — с их места Жун Цин хорошо видел, что происходит между Цан Хэном и Цзин Шо.

— Они выросли вместе, и Цзин Шо всегда за ним присматривал, — привыкнув к их манерам, Цзюнь Янь не находил в этом ничего странного.

— У них действительно хорошие отношения, — Жун Цин заметил, как в глазах Цзин Шо мелькнула тень нежности. Это был не просто взгляд на друга, он был точно таким же, как у Цзюнь Яня, когда тот смотрел на него...

Когда банкет подошёл к концу, на сцену вышел Цин И в театральном костюме.

Цин И, прикрыв лицо веером, начал петь, и его голос поразил всех присутствующих.

Его пение было мелодичным, с уникальным тембром, и это было настоящим пиршеством для слуха.

Цзян Е не выпускал из рук бокал, не отрывая взгляда от Цин И.

— Он поёт действительно хорошо, — восхищённо произнёс Цан Хэн.

Цзин Шо также кивнул. Этот человек действительно пел прекрасно. Если бы он был женщиной, то, несомненно, оказался бы в таком же положении, как Юэ Чжи.

— Сначала послушай, не спеши говорить, — недовольно взглянул на Цан Хэна Цзян Е.

— Эй, ты... — Цан Хэн хотел возразить, но Цзян Е его перебил.

— Тише!

Закончив последнюю строчку, Цин И снова прикрыл лицо веером и приготовился уйти.

— Наградите его, — приказал император.

— Благодарю Ваше Величество, — Цин И преклонил колени, выражая благодарность.

Юэ Чжи, наблюдая за происходящим, надеялась, что император обратит внимание на Цин И.

Но император не оправдал её ожиданий, даже успокоив её:

— Любимая, не волнуйся, ты моя любимица.

Юэ Чжи тихо кивнула, сжимая платок в руке.

Поблагодарив императора, Цин И удалился, и перед уходом он взглянул на Цзян Е.

Цзян Е дрогнул, держа бокал, и сдержал кашель, чтобы скрыть своё смущение.

После ухода Цин И банкет подошёл к концу, и император, выпив, начал проявлять интерес к Юэ Чжи.

Его взгляд становился всё более пылким, а руки начали блуждать по её телу.

Юэ Чжи хотела избежать его взгляда, но не могла остановить его руки.

Императрица, наблюдая за этим, скрыла злобу в глазах, быстро заменив её улыбкой.

Она знала, что император был непостоянен, и если его интерес был вызван лишь внешностью, такая привязанность долго не продлится.

Но она боялась, что Юэ Чжи окажется хитрой и сможет очаровать императора.

Ведь когда-то она сама поступила так же, свергнув прежнюю императрицу, которая была добродетельной и любимой императором.

Но даже самая сильная привязанность могла быть разрушена, если в дело вступали интересы.

И она воспользовалась этим, чтобы вызвать у императора отвращение к прежней императрице.

Но она не ожидала, что та окажется сильной и сможет убедить императора назначить Цзюнь Яня наследным принцем.

Этот факт продолжал мучить её, и до сих пор она не оставляла попыток свергнуть Цзюнь Яня, чтобы поставить на его место своего сына.

Ведь теперь императрицей была она, и её сын должен был стать наследным принцем.

Но как бы она ни старалась, император не уступал, и теперь, с появлением новой фаворитки, её планы становились ещё более сложными.

Император поставил бокал на стол, и музыка прекратилась. Он громко объявил:

— На сегодня банкет окончен, все могут расходиться!

Императрица уже собиралась уйти со слугами, когда к ней подошёл Цзюнь Кэ и поклонился:

— Матушка.

— Все, можете идти, я пройду с Кэ, — приказала императрица.

— Слушаюсь.

Когда слуги разошлись, императрица и Цзюнь Кэ пошли вместе.

— Сын знает, что матушке нелегко, и, наверное, вы плохо спите, поэтому специально попросил успокаивающие благовония для вас, — сказал Цзюнь Кэ, доставая из кармана шёлковый мешочек и передавая его императрице.

Императрица улыбнулась с благодарностью:

— У Кэ доброе сердце, он заботится о матери.

— Это мой долг, сын чувствует, что недостаточно почтителен к вам.

Сердце императрицы согрелось, она была рада, что у неё есть сын, который хотя бы немного скрашивал её одиночество в этом глубоком дворце.

— Матушка, как вы думаете о госпоже Юэ?

— Почему ты вдруг спросил о ней? — выражение лица императрицы изменилось.

— Не волнуйтесь, матушка, сын просто считает, что с ней можно наладить отношения.

— Она не станет легко доверять нам, — императрица понимала, что Юэ Чжи была из другого государства, и ею было не так просто управлять.

Цзюнь Кэ покачал головой:

— Нам не нужно, чтобы она нам доверяла.

— Ты имеешь в виду... — императрица вдруг поняла, что задумал Цзюнь Кэ.

— Да, если она из другого государства, как она может превзойти матушку?

— Ты действительно умный, — улыбнулась императрица, её настроение сразу улучшилось.

— Тогда сын не стану больше мешать матушке отдыхать, — Цзюнь Кэ проводил императрицу до ворот её покоев и остановился.

— Возвращайся пораньше и проводи время с Чэнь, постарайся быстрее подарить мне внука.

— Сын постарается, — в глазах Цзюнь Кэ мелькнуло отвращение. Он не любил Чэнь, можно сказать, даже ненавидел. Эта женщина, чтобы выйти за него замуж, довела его возлюбленную до самоубийства.

Хотя в его внутреннем дворе было много женщин, даже похожих на ту, кого он любил, ни одна из них не вызывала у него желания иметь от неё ребёнка.

Но он знал, что ему нужен наследник, чтобы укрепить свои позиции.

— Ночью прохладно, возвращайся поскорее.

— Сын удаляется, — поклонившись императрице, Цзюнь Кэ развернулся и ушёл.

Выпив на банкете, Жун Цин слегка опьянел и сидел во дворе, чтобы прийти в себя.

— Выпей это, чтобы протрезветь, — Цзюнь Янь поставил перед Жун Цином чашку с отваром.

Жун Цин кивнул и послушно выпил отвар.

— Это первый раз, когда я вижу тебя слегка пьяным, твои щёки розовые, это очень мило.

Услышав шутку Цзюнь Яня, Жун Цин покраснел:

— Ты снова смеёшься надо мной.

— Я не смеюсь, я хвалю тебя, — с улыбкой сказал Цзюнь Янь.

— Ты намекаешь, что я плохо пью, — тихо возразил Жун Цин.

Цзюнь Янь рассмеялся:

— Ты совсем не плохо пьёшь, ты выпил много.

— ... — Жун Цин не хотел больше говорить, этот человек становился всё более непочтительным.

Цзюнь Янь, видя, что Жун Цин немного раздражён, поспешил успокоить его:

— Это я виноват, не сердись, хорошо? Ты не пьян, это я пьян.

— ... — Жун Цин, слушая, как Цзюнь Янь пытается его успокоить, едва сдерживал смех, но, помня, что он сердится, не стал смеяться.

— Ты действительно не будешь со мной разговаривать? — Цзюнь Янь встал, подошёл к Жун Цину сзади и обнял его за шею:

— Если не будешь со мной разговаривать, я поцелую тебя.

Дыхание Цзюнь Яня коснулось шеи Жун Цина, и тот слегка сжался.

— Я не сержусь, — когда нужно было сдаваться, Жун Цин сдавался. Он боялся, что Цзюнь Янь разочаруется в нём из-за его капризов.

— Ещё как сердишься, посмотри, какое лицо у тебя, — Цзюнь Янь поцеловал Жун Цина в щёку.

Щёки Жун Цина сразу покраснели, и Цзюнь Янь, увидев это, поднял его на руки.

— Мне нужно как следует успокоить тебя.

Жун Цин вскрикнул, обняв Цзюнь Яня за шею, его лицо было пунцовым. Даже лёгкое опьянение, которое он уже снял, снова вернулось.

Цзюнь Янь внёс Жун Цина в спальню, где горели свечи, отбрасывая мягкий свет на всё вокруг.

Снаружи лунный свет был ярким, его серебристые лучи смешивались с тёплым светом свечей, наполняя комнату теплом...

Летний зной становился всё сильнее с каждым днём.

Раньше Цзюнь Янь и Жун Цин часто гуляли у подножия горы ранним утром, когда в лесу был прохладный ветерок.

Но сейчас, даже не пройдя и половины пути, жара становилась невыносимой.

Жизнь в Летнем дворце была спокойной, и только император каждый день занимался государственными делами, просматривая доклады чиновников.

Остальные же проводили время в безделье, ведь до Императорского города было почти день пути.

[Авторское примечание: Здесь нет абсолютно хороших или плохих людей, ведь каждый стоит на разных сторонах.]

Я очень благодарен всем, кто читает мои работы, ваша поддержка — это моя главная мотивация. Люблю вас!!!]

<http://bllate.org/book/16399/1485505>